

В.В. Целищев

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И САЙЕНТИЗМ

(Доклад на V Российском философском конгрессе, Новосибирск, 2009.
Вопросы философии, п. 8, 2010)

По иронии судьбы, становление экономики общества, основанного на знаниях, привело к тому, что теория стала цениться меньше практики. Связанное с этим процессом падение престижа науки можно объяснять многими факторами. Одно из объяснений состоит в том, что наука достигла такого этапа своего развития, когда ее технологические применения гораздо более интересны, чем сама теоретическая наука. Интересный тезис о «конце науки» как рациональном предприятии, представленный в известной книге Дж. Хоргана «Конец науки» (Изд-во Амфора, СПб., 2001), предполагает, что основные открытия фундаментального характера уже сделаны, и что наука в значительной степени перешла в стадию так называемой «иронической науки». Эта последняя существенно лишена тех стандартов, которые науке были присущи со времени возникновения, в частности, стандарта воспроизводимости результатов. Нынешние абстрактные результаты, представляющие по настоящему «научный» интерес, имеют дело с такими теориями как «теория суперструн», эмпирическое подтверждение которых находится далеко за пределами возможностей не только нынешней технологии, но и технологии будущего. И ученым остается практика «иронической науки» – нечто близкое литературной критике или философии. Некоторые области современной науки настолько спекулятивны, что не могут быть проверены на предмет соответствия эмпирической реальности. Возможно, именно эта спекулятивность частично ответственна за падение интереса к науке как таковой. Другой причиной, наверное, является стоимость научных предприятий и практическая универсальное требование эффективности вложений в науку.

Однако фундаментальная наука подвержена угрозе в силу не только недостатка экономических ресурсов, но и в силу ряда социально-политических причин, среди которых важным обстоятельством является то, насколько действенны «рациональные» силы в обществе.

Стандарты рациональности современного общества во многом определяются наукой, но надо признать, что приверженность общества науке совсем не рациональна, и в значительной степени подвержена идеологическим соображениям. Недаром, во времена недавнего радикального сокращения ассигнований на фундаментальную науку в Великобритании правительством М. Тэтчер газета «Таймс» опубликовала большую статью с портретами четырех виднейших философов – сэра Карла Поппера, Томаса Куна, Имре Лакатоса и Поля Фейерабенда, обвиняя их в падении престижа науки в британском общественном мнении. Все четверо «злодеев-философов» обвинялись в том, что оказались причастными к обоснованию так называемого «релятивизма», согласно которому наука не имеет приоритета в установлении рациональности, и сама по себе не более рациональна, чем любой вид человеческой деятельности. Низвержение науки с пьедестала, по мнению многих, стало причиной резкого охлаждения общества к науке. Трудно сказать, насколько вердикт «Таймс» справедлив, но философы, иррационализм которых действительно весьма повлиял на взгляды на науку, инициировали и более глубокие процессы взаимоотношения общества и науки.

Таким образом, судьба фундаментальной науки в общественном мнении была напрямую увязана с философскими дебатами, которые отражали глубокие процессы внутри самой философии, и были связаны с поисками идентичности философии как дисциплины. Такого рода поиски являются симптомом кризиса дисциплины, который проявился ярче всего в признании того факта, что значимая социальная и культурная практика не зависит от метафизических предположений или рациональных обоснований. Исследования философами таких вещей как Разум, Реальность, Истина, Объективность и Метод не имеют прямого отношения к приобретению и обоснованию знания. Наиболее отчетливым выразителем такой точки зрения был Р. Рорти, согласно которому «философия не оказывает влияния на нашу практику, и ей не надо позволять делать этого... Для большинства целей не имеет значения, имеем ли рядом философов или нет». Релятивизм подобного рода прежде всего направлен против научного метода, и мотивация Рорти состояла в стремлении опровергнуть сайентизм аналитической философии, и придать смысл антисайентизму континентальной философии.

Представители современной континентальной философии не нападают на науку как таковую прямо. Большая часть их аргументации связана с внутренним развитием философии в XX века, с отказом от картезианского представления о познании как репрезентации действи-

тельности. Возникает вопрос о том, в какой степени антисайентизм связан с философским методом. Следует иметь в виду, что, к счастью, сам по себе философский метод не обязательно ведет к антисайентизму, и больше того, аналитическая философия, в противоположность иррационализму континентальной философии, демонстрирует явную близость научному методу.

В этом случае возникает вопрос об идентичности философии как дисциплины. Классическое определение философии как ничейной территории между религией и наукой в контексте противостояния аналитической и континентальной философии может тут помочь лишь частично. Более важной характеристикой идентичности является тенденция замыкания дисциплины внутри собственных границ, несмотря на непрерывные попытки критического пересмотра этих границ. В случае аналитической философии наиболее ярким примером такого пересмотра является натурализация эпистемологии, которая является проявлением общего убеждения У. Куайна об отсутствии границ между наукой и философией. Но этим самым устанавливаются еще более жесткие критерии идентичности дисциплины, поскольку методы науки в существенной степени отличны от методов традиционной философии. В настоящее время аналитическая философия охраняет свои границы более бдительно, чем это имеет место в большинстве гуманитарных и социальных наук. Большая часть практикующих аналитическую философию остаются в стороне от всяческой междисциплинарности, и часто резко дистанцируют себя от того, что традиционно принято считать философией. Причины такого дистанцирования заключаются в двух типах соображений. С одной стороны, аналитические философы полагают, что есть существенные преимущества в методе философствования, которые имитируют научный метод или близки к нему. С другой стороны, они критикуют сочинения континентальных философов, обвиняя их в нарушении критериев рациональности. В конечном счете, спор ведется в отношении того, чем должна быть философия вообще. При этом диапазон спора весьма широк. Согласно Витгенштейну, идентичность философии как предприятия состоит в том, должны ли мы понимать его так, что импульс к занятию философией является патологией, или же философствование есть просто часть человеческого существования. Другим пониманием философии является то, что она должна быть, частью более общей попытки придать нашей жизни наилучший смысл, и это же относится к нашей интеллектуальной активности, в ситуации, в которой мы находим себя. В данном

контексте оценка философии зависит от того, в какой степени следует приветствовать «сайентизм» аналитической философии, или же насколько неприемлем антисайентизм континентальной философии.

Надо отметить, что сами аналитические философы предпочитают не употреблять термин «сайентизм» в качестве характеристики своей философии, и скорее говорят о «точности» и «ясности» аргументации. Отсутствие этих добродетелей обычно вменяется в вину континентальной философии. Предубеждение к работам таких континентальных философов как М. Фуко, Ж. Деррида или М. Хайдеггер основывается на том, что эти работы не ясны, или что они не содержат «аргументов». Работы этих философов определенно относятся к гуманитарному знанию, и их игнорирование делает аналитическую философию в какой-то степени безразличной к этому знанию, понимаемому традиционно. Такое положение дел не удивительно, поскольку, как заметил Х. Патнэм, если философия стремится быть наукой, тогда отличие от гуманитарного знания кажется достоинством. Нельзя сказать, что аналитически настроенные мыслители вообще не читают континентальных философов: говорят, что Б. Рассел изучал работы Э. Гуссерля, а К. Гёдель последние два десятилетия размышлял над феноменологией. Но никаких следов феноменологии у Рассела (даже позднего) не проявилось, а Гёдель, несмотря на распространенное мнение, никогда не разделял убеждений логических позитивистов, предшественников нынешних аналитических философов. Иногда отношение к континентальной философии имеет скорее прагматический оттенок; так, один из видных аналитических философов сказал, что только на освоение терминологии континентального философа может уйти этак лет десять, что само по себе препятствует желанию знакомиться с ней в полном объеме. Есть и еще одно важное соображение, а именно, стиль прозы философов. Хао Ван говорит, что тот же Гёдель, рекомендовавший ему изучать Гуссерля, добавил, что это чрезвычайно скучное занятие. С другой стороны, аналитической философии, возможно, просто повезло, что один из ее основателей, Б. Рассел, обладал превосходным литературным даром, хотя стремление к предельной ясности может существенно ограничить возможности дискурса. Рассел по этому поводу говаривал: «Чем хуже логика, тем интереснее из нее следствия».

Одним из средств такого ограничения считается дедуктивная трактовка знания. Позитивистам, как и нынешним аналитическим философам, приписывается программа перевода современной науки на дедуктивный базис. Если бы такая попытка удалась, это было бы ог-

ромной удачей; однако, поиск адекватной аксиоматической базы даже для довольно простых научных теорий оказался чрезвычайно сложным занятием, от которого пришлось довольно быстро отказаться. Но можно ли считать это провалом определенной программы в рамках аналитической философии? Вопрос о том, можно ли представить современные научные теории в дедуктивном виде, остается открытым. Такая же попытка была сделана и в математике группой Н. Бурбаки, но никто после относительной их неудачи не обвиняет Бурбаки в упрощенном желании представить всю математику в дедуктивном виде. С другой стороны, все большая математизация эмпирических теорий позволяет надеяться на то, что аксиоматизация определенных фрагментов науки будет возможна, что, конечно же, позволит существенно прояснить структуру научного знания. Как бы то ни было, использование для такой аксиоматизации языков математической логики значительно сближает философию с наукой.

Такое сближение достигается и выдвижением философских тезисов, которые непосредственно могут использоваться в чисто научных исследованиях, в особенности в таких областях, где сложность предмета изучения явно превосходит возможности научного объяснения. В качестве примера можно привести гипотезу функционализма, выдвинутую в 1960-е годы Х. Патнэмом, согласно которой все ментальные состояния человека являются вычислимыми состояниями мозга, и становятся, так сказать, программным средством. Эта гипотеза интенсивно используется в работах по искусственному интеллекту и в неврологии. Эта ситуация является частью более общего положения в когнитивных исследованиях, где в силу сложности объекта исследования происходит непрерывная борьба двух тенденций: либо в основу исследования кладутся метафизические схемы соотношения мышления и материи, либо первичную роль играют экспериментальные данные. В любом случае, мы имеем ситуацию, когда философия вступает на территорию естественнонаучного поиска, и, конечно же, это аналитическая философия. В некотором смысле это претензия философии на позитивное знание, хотя и не в том смысле, как это представлялось в период, когда философия претендовала на то, чтобы быть «царицей наук».

Аналитическая философия отнюдь не ограничивается в своем стремлении к точности анализом концепций естественнонаучных теорий, и активно вторгается в попытки получить позитивное знание в собственно философских областях, таких как этика и метафизика,

которые с точки зрения логических позитивистов не заслуживали особого внимания. Вместе с тем, логические позитивисты признавали «метаэтику», цель которой состояла в том, чтобы показать невозможность или возможность определенных философских концепций этики. Возможно, что натуралистический аргумент Дж. Мура являлся прообразом того, как нужно думать об этике, не обсуждая прямых этических концепций.

В этом отношении определенный прорыв был совершен Дж. Ролзом, известная работа которого «Теория справедливости» является образцом аналитической философии. Ролз занят не тем, как следует обсуждать справедливость, а прямо предлагает концепцию того, что такое справедливость. Использование теоретико-игровых концепций и процедурных правил придает работе Ролза настолько строгий и точный характер, что в литературе, посвященной «Теории справедливости» важнейшие положения теории называются «первой и второй теоремой Ролза». В определенном отношении это можно считать реминисценцией «Этики» Спинозы с ее математическим словарем. Но «Теория справедливости» внесла вклад и в современную эпистемологию, используя концепцию «рефлексивного равновесия». Эта концепция выходит за рамки собственно философии, предлагая новую схему соотношения теоретических схем и экспериментальных данных. Постоянное расхождение этих составляющих процесса познания следует, согласно Ролзу, разрешать не доминированием одного над другим, а одновременной ревизией как теоретических принципов, так и интуиций относительно данных, и продолжать этот процесс до достижения устойчивого равновесия. Пример применения Ролзом методов аналитической философии явился важной вехой в ее развитии.

Каковы отличительные черты подобного успешного применения в философии аналитических методов, созвучных научным? Прежде всего, следует отметить роль аргументации, которая с использованием формальных языков логики становится убедительной для тех, кто разделяет идеалы рационального мышления. С. Хэмпшир таким образом изложил требования к аргументации:

Ясность философского мышления состоит в том, чтобы не сбивать с толку, не обходить острые углы, в открытости ошибок в построениях, в отказе от помпезности или уклончивости. Это значит – не делать «стряпни», не использовать риторики для заполнения пробелов, не использовать

двусмысленных фраз, когда делается два-три замечания, и при этом остается неясным, куда вы метите.

Помимо теоретических споров представителей аналитической и континентальной философии, включающих дискуссии о методе, существуют соображения «здравого смысла», которые превосходно выразил основатель аналитической философии Б. Рассел. Он отмечает пять причин того, почему ненаучная и антинаучная философия не может противостоять философии, ориентированной на науку, Рассел предъявляет пять упреков ненаучной философии: Она не искренняя; она не позволяет извинить невежество в математике, физике, неврологии, предполагая, что для современного человека важно гуманитарное образование; тон антинаучной философии полон елейной правильности, как будто научная философия есть прегрешение против демократии; она делает философию тривиальной; и наконец, она делает неизбежным процветание среди философов путаницы в головах, происходящей от убеждения в достаточности здравого смысла. Одно из суждений Рассела особенно злободневно, если учесть обвинение аналитической философии в том, что она ищет точности тотальным контролем над умом путем непрерывной и жесткой интерпретативной направленности.

Упор на аргументацию предъявляет особые требования к философским текстам, которые часто раздражают философов, не разделяющих целей и ценностей аналитической философии. Х. Патнэм замечает, что

орды интеллектуалов жалуются, что философия стала слишком «технической», что она «отреклась» от реальных проблем и т.п. ... Но печальным фактом является то, что добротная философия есть и всегда была трудна, и что гораздо легче выучить имена немногих философов, чем прочесть их книги. Тот, кто находит философию слишком «технической» сегодня, не смог бы найти времени или желания уследить за длинной цепью аргументов Сократа, или же прочитать одну из *Критик* Канта.

К. Поппер был более лаконичен в своих требованиях к аргументации, настаивая на том, что это не просто вопрос ясности, а вопрос профессиональной этики. По крайней мере, никто не будет оспаривать, что отличительной особенностью философов аналитического направления является ясный язык. Быть может, тон был задан Б. Расселом, одна из исследовательских программ которого называется «Логика как

сущность философии». Апелляция к логике как основанию философских конструкций обязывает аналитических философов к использованию строгих языковых средств. Это развитие философии имеет преимущество привнесения в философию «высоких стандартов точности»; философия стала более «ясной», и каждому философу следует изучить какую-то часть современной логики. Необходимость обращения к логике имеет вполне обоснованные резоны, поскольку сама философия склонна к исправлению ошибок вульгарной мысли: язык здравого смысла нуждается в прояснении, аргументация здравого смысла требует строгой трактовки, суждения здравого смысла страдают от своей поверхностности, непоследовательности и ненадежных оснований. Правда, следует признать, что поскольку цель аргументации состоит, прежде всего, в убеждении, одной логикой тут не обойтись, и на определенном этапе на первый план выходит риторика. Но все-таки, согласно афоризму, «дисциплина» предполагает дисциплину. В данном случае, философия как дисциплина должна принять какие-то стандарты того, что считается в ней «правильным», и очевидно, что стиль философствования должен ассоциироваться с целями философии, которая предлагает аргументы и выражает их ясно. Но именно эти цели преследует аналитическая философия.

В работах континентальных философов много говорится о кризисе рациональности. Если таковой кризис имеет место, то это сильно подрывает стиль аналитической философии. Однако можно сказать, что такой кризис является скорее надуманным. Я. Хакинг, в одном из своих интервью заметил, что из науки долго делали мумию, а когда она была распеленута, то ученые и придумали этот кризис. Мумия подобного рода явилась результатом идеализации процесса научного поиска, но в этой идеализации наука была лишь часть философского проекта, который имел дело с рациональностью. Релятивизм, противопоставляющий аналитической философии историцистское видение науки, использует те неприглядные эпизоды в истории науки, которые подвергли сомнению то, что разум играет в ней важнейшую роль. Если иметь в виду защиту науки как рационального предприятия, и называть такую позицию сайентизмом, тогда аналитическая философия действительно склонна к «сайентизму». Сайентизм неприемлем для многих философов, поскольку он является контрастом гуманистической концепции философии, представленной континентальной философией. Но антисайентизм континентальной философии основан на более жестком понимании сайентизма, согласно которому его цель

состоит в ассимиляции философии наукой, подчинении философии целям и стилю науки. В определенной степени такое обвинение является результатом того, что в самой философии есть разделы, которые являются продолжением наук или математики, например, философия квантовой механики или более технические аспекты логики и оснований математики. «Канонический» континентальный философ М. Хайдеггер полагают, что наука дает вторичные, производные объяснения мира. Для него, мир, с которым взаимодействует человек, представляет собой некоторую тотальность вещей, «готовых-быть-под-рукой», и рассмотрение вещей научным образом, абстракция их из тотальной значимости мира, когда они становятся «вещьми-находящимися-под-рукой», приводит к иллюзии открытия мира. Именно на этом пути возможен анализ, приводящий к технологическому прогрессу, вещь становится объектом, лишенным всяких исторических ассоциаций и роли, которую она играет в обществе, становится просто вещью для использования и для разрушения. Хайдеггер заключает, что гегемония научно-технического способа мышления делает наш век временем «разочарования».

Но аналитическим философам скорее свойственен противоположный взгляд, согласно которому наука имеет предпочтительное по сравнению с другими подходами объяснение явлений как физического, так и социального миров, а неокончательный характер научных ответов есть результат убеждения, что в будущем будут найдены еще более лучшие, опять-таки научные, ответы на стоящие перед человеком проблемы как познавательного, так и практического характера.

Несколько последующих статей дают представление о полемике аналитических философов с антисаентистами,